

КАК ОСМЫСЛИТЬ ПРОСТРАНСТВО?

.....

Баранов А. В.

Баранов Андрей Владимирович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл.
почта: baranovandrew@mail.ru.

Рецензия на книгу: **Прохоренко И. А. Пространственный подход в исследовании международных отношений.** М.: ИМЭМО РАН, 2015, 111 с.

Тема монографии И. А. Прохоренко, бесспорно, актуальна. В условиях глобализации кардинально меняются и реальные структуры политического пространства, и их концептуальное осмысление. Возникают новые политические пространства, противоречиво взаимодействующие с национальными государствами. Привычные темы, термины, процессы обретают новый смысл. Автор монографии придерживается междисциплинарного подхода, который дает возможность концептуализировать нелинейные процессы в мировой политике, перейти от изучения только макроуровня к системному, разноуровневому анализу явлений. Политическое пространство оценивается как перцептивно обусловленное, не сводимое к физической территории, к применению географического метода и категорий. Тем самым автор развивает подходы критической геополитики и гуманитарной географии, принципиально отказываясь от применения эмпирических моделей, связанных с количественными индикаторами. Логично, что внимание уделено многоуровневой политической идентичности как параметру формирования и развития пространства.

Среди поставленных И. А. Прохоренко следующие важнейшие вопросы: почему и каким образом социальное пространство становится политическим, какие субъекты и факторы делают его политическим, насколько пространство постоянно во времени, каково соотношение осознанного и стихийного начал в формировании политических пространств?

В первом разделе монографии сравниваются концепции политического пространства. Их анализ начат с теории социального пространства П. Бурдьё. Социальное пространство оценивается в качестве ментальной многомерной структуры, конструируемой на основе принципов деления и распределения активных свойств индивидуальных и коллективных агентов. Социальное пространство виртуально, это пространство отношений и диспозиций агентов. Его

создают активно действующие силы по аналогии с электромагнитным полем. Особенности распределения силовых линий определяют тип поля. Занимая место в социальном пространстве, индивид вырабатывает «габитус» — систему устойчивых схем восприятия и оценки пространства, своей диспозиции в нем. Индивиды объединяются в группы по сходству своего положения в социальном пространстве. Анализируя концепцию П. Бурдьё, автор монографии подчеркивает специфику политического поля, его отличия от поля социального. Политика (по Аристотелю) организуется целенаправленно, ради обеспечения общего блага, она выше материальных потребностей. Такой подход позволяет автору монографии поставить в центр внимания человека, который своей деятельностью и коммуникацией создает политический мир.

Да, политика — автономная сфера человеческой деятельности, но ее границы всегда подвижны. И. А. Прохоренко отмечает нарастающее расширение сферы политического в глобальном обществе. Например, культурные и социальные конфликты миграции в пригородах Парижа территориально закрепляются и политизируются (с. 19).

Далее автор рецензируемой работы оправданно разграничивает понятия «субъект политики» и «актор политики», приводя наиболее перспективное определение сложного коллективного субъекта политики (по Н. А. Косолапову). Справедливо отмечается, что сумма индивидов, их группа не образуют коллективный субъект политики автоматически. Субъект должен осознавать свое единство и отличительные черты, быть организационно единым, способным к целеполаганию и последовательной деятельности.

В числе теоретико-методологических подходов к политическому пространству И. А. Прохоренко осмысливает системный подход, транснационализм, конструктивизм, коммуникативный подход, институционализм, организационную теорию. Определены перспективные исследования в рамках каждого из подходов, новшества в трактовке научных категорий. Отмечено, что российские школы востоковедения и международных исследований концептуально более продуктивны, чем зарубежные. Справедливо подвергнуто критике отождествление политического пространства и политической системы (Н. Фергюсон, Р. Барри Джонс). Напротив, полезно понимание политического пространства — «политоида» (по Э. Я. Баталову) как сложной системы связей между субъектами политики, объединяющей их в многомерное целое (с. 24–25). Кроме того, территория общества способна вмещать в себя множество политических пространств, согласно Н. А. Косолапову (с. 26).

Анализируя транснационализм, автор монографии отмечает растущую роль негосударственных и трансграничных акторов — корпораций, сетей мигрантов, СМИ. Приводится мнение авторов коллективной монографии Д. Хэлда, Д. Голдблатта, Э. Макгрю, Дж. Перратон, по которому глобализация означает сложный баланс ретерриториализации и детерриториализации политической

и экономической силы. Пространство преобразуется так, что оно не обязательно соотносится с правовыми и территориальными границами, становится субъективно конструируемым. Продуктивна идея А. Вендта: только через взаимодействие акторов создается, воспроизводится и трансформируется международная система (с. 31).

Коммуникативный подход берет за основу представление о приоритетности социальных различий в обществе, создающих социальные дистанции. Территория же и реальная локализация политического действия воспринимаются как второстепенные факторы. Данный подход трактует политическое пространство в качестве интересубъектного, а не объективного либо субъективного (Г. В. Пушкарева). Политическое пространство таково, поскольку оно существует в сознании людей благодаря их социализации. Способом же существования политического пространства считается коммуникация (с. 31).

Институциональный подход резонно критикуется И. Л. Прохоренко за ограниченность внимания к микроанализу, социокультурным аспектам. Полагаем, что критику нужно адресовать прежде всего классическому институционализму. В неоинституционализме, особенно в таких его направлениях и школах, как социологическая, историческая, дискурсивная, преодолевается жесткое противопоставление организации и ментальных феноменов. Вероятно, стоило более глубоко сравнить различия названных школ. Продуктивна трактовка институтов как «когнитивных схем» (П. В. Панов), т.е. ментальных моделей, путем которых акторы политики воспринимают и осмысливают мир (с. 33).

В рамках организационной теории автора монографии привлекает прежде всего возможность выявить целеполагание поведения акторов и сознательно поддерживаемые взаимодействия между ними. Важно введение в международные исследования категорий «организационное поле», «транзакции», «связанность» (П. Ди Маджо, У. Пауэлл), «социетальные/функциональные сектора» поля (У. Р. Скотт) (с. 38–39). Для И. Л. Прохоренко организационная теория позволяет типологизировать международные организации и организационные поля глобального управления, раскрыть ход структурирования полей, установить субъектов структурирования, тип и конфигурации взаимодействий участников внутри полей. Автор монографии поддерживает менеджерские концепции международных организаций, понимая их как институты сотрудничества между государствами, а также «концепцию агоры» — публичного пространства, где обсуждаются и решаются международные вопросы. Перспективна гипотеза И. Л. Прохоренко: Евросоюз полезно считать организационным полем ряда государств-участников, а не традиционной иерархической организацией (с. 42). Данный подход полезно применять и в отношении закрытых привилегированных форумов глобального управления («Группы семи/восьми» и «Группы двадцати») и применительно к формальным институтам: Европарламенту, Еврокомиссии.

Важно, что европейская интеграция создает новые арены политического взаимодействия для политических партий стран — членов ЕС на межправительственном и наднациональном уровнях. Но тем самым Евросоюз принуждает партии ранее суверенных стран к организационной и идеологической адаптации (с. 44).

Во втором разделе «Современные политические пространства» интерпретируются аспекты и уровни пространственного подхода к политике. Ставится сложная проблема взаимодействия идентичности и пространства: что первично, а что вторично? В логике авторского подхода субъективные параметры, прежде всего идентичность, приоритетны. Категория идентичности ориентирована на выявление смыслов индивидуальных и коллективных действий в контексте самоопределения принадлежности субъектов к группам, сообществам и ценностно-нормативным регуляциям (в трактовке И. С. Семененко).

Следовательно, территориальная идентичность определяется И. А. Прохоренко как комплекс представлений о принадлежности к территориальному сообществу, о его общих интересах в связи с местом проживания и политическими институтами. Такая идентичность опирается на культурную память и повседневные связи между людьми, воспринимающими образ территории как референтную систему ориентиров для создания своих жизненных стратегий, чувствующими свою связь с образом территории. Территориальная идентичность формируется на индивидуальном уровне, но утверждается как коллективная, посредством совместной деятельности сообщества (с. 48–49).

Необычность размышлений автора об идентичности связана с разграничением территориальной (объективно-географической по основаниям) и пространственной (конструируемой) форм. Более того, местная и локальная политические идентичности при таком подходе пространственны, особенно в условиях глобализации. Конструктивисты (М. Китинг, Н. Бреннер) воспринимают регион как одновременно территориальное, функциональное и политическое пространство без жесткой привязки, например, к уровню субъекта федерации (с. 50–51). Связи и отношения, формирующие регион, многообразны: и экономические, и социокультурные (С. Роккан и Д. Урвин).

Перспективно утверждение И. А. Прохоренко: идея и практика децентрализации власти, несоответствие между ролями регионов в государстве ведет к превращению территориальных сообществ в политические субъекты, т. е. к «политизации периферии» (по термину С. Роккана и Д. Урвина). Причем автор монографии последовательно отмечает, что наличие административно-территориальных границ само по себе не предопределяет обязательного формирования территориальных идентичностей (с. 53–55).

Далее оценивается мирполитический аспект конфигурации транснационального политического пространства. Речь идет не только о вертикальных связях и взаимодействиях, но и о горизонтальных, диагональных, об управлении по

типу неиерархических политических сетей. Процесс формирования такого пространства рассмотрен на материалах Евросоюза, НАФТА, конкурирующих интеграционных объединений Латинской Америки, культурно-лингвистических сообществ (франкофонных, иберо-американских, португалоязычных стран). Интенсивно развиваются новые политические пространства — «общие пространства человечества» (океаническое, воздушное, космическое, приполярное, информационное). Их политическая активность и организация уже не могут убедительно быть объяснены с позиций классической территориальной геополитики (с. 69).

Третий раздел монографии посвящен анализу европейского политического пространства, его институциональной формы и структуры, субъектов и территориальных уровней, направлений трансформации. Справедливо отмечается, что магистральным направлением европейской интеграции стала ее политизация. В центре внимания — национальный суверенитет и повестка дня развития государств, конфликт интересов между общеевропейскими, национально-государственными и региональными субъектами политики. И. Л. Прохоренко доказывает, что пространственная насыщенность отношений внутри сообщества и его внешних связей, их институционализация ведут к складыванию устойчивого транснационального пространства, к преобладанию негосударственных акторов и их интересов, ценностей над национальными. В итоге складываются общие политические институты и система наднационального многоуровневого управления. Причем важно, что европейское пространство полицентрично, а не иерархично (с. 72). Регионообразующим фактором применительно к ЕС выступает какое-либо не отдельное пространство, а целый кластер пространств в их тесной взаимосвязи.

Автор исследования не отрицает сложных противоречий, конфликтов становления европейского политического пространства. Налицо дефицит демократии, рост неравноправия стран и регионов. Европейское пространство — «элитистское по своей сути» (с. 75). Но подраздел о субнациональных элитах содержит материалы в основном о повышении статуса региональных и местных сообществ, об автономистских и регионалистских партиях в странах ЕС. Будучи весьма важными, эти сведения не могут заменить более глубокого анализа элитных групп, основанного на эмпирических данных.

В монографии раскрыта роль регионов в системе управления Европейского союза. Приводится обширный материал о распределении компетенций в системе многоуровневого управления, об организационном и правовом устройстве взаимодействия региональных властей с институтами ЕС. Рассмотрены конфликты интересов на примерах принятия Лиссабонского договора, реформы Пакта стабильности и роста (2011 г.), сепаратистских тенденций в Шотландии и регионах Испании. Дано убедительное объяснение причин отказа Евросоюза от институционализации участия субнациональных властей в процессе много-

уровневого управления, от поддержки сепаратизма. Определены направления трансформации европейского политического пространства.

Подводя итог рецензии, можно с уверенностью сказать, что И. Л. Прохоренко провела инновационное исследование. Обоснованная автором модель политического пространства логична, подтверждена глубоким знанием источников и новейшей научной литературы. Рецензируемая монография вносит важный вклад в совершенствование методологий анализа политического пространства. Она будет полезна не только для международников, но и для представителей многих социально-гуманитарных наук.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015.

.....

HOW SHOULD WE THINK OF SPACE?

Baranov A. V.

Baranov Andrey Vladimirovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: baranovandrew@mail.ru.

Review of the book: Prokhorenko I.L. Prostranstvennyj podhod v issledovanii mezhdunarodnyh otnoshenij [Spatial Approach in International Relations Studies]. M.: IMEMO RAN, 2015, 111 p.